

В. Г. Белинский

Журналистика

Виссарион Григорьевич Белинский

Журналистика

«Известно, что после литературы, и в особенности журналистики, в целом мире нет ничего хуже петербургской погоды. За ее непостоянством и переменчивостью часто нет никакой возможности различать времена года. Нынешний май оказался особенно сбивчивым месяцем: он похож и на сентябрь, и на октябрь, и на ноябрь, и на февраль, и на март, и на что угодно, – только не на май. <...> Как нарочно, журналы, словно по взаимному условию, стараются скрыть от нас настоящее время года и перевернуть календарь задом наперед...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Журналистика**

Известно, что после литературы, и в особенности журналистики, в целом мире нет ничего хуже петербургской погоды. За ее непостоянством и переменчивостию часто нет никакой возможности различать времена года. Нынешний май оказался особенно сбивчивым месяцем: он похож и на сентябрь, и на октябрь, и на ноябрь, и на февраль, и на март, и на что угодно, – только не на май. Одним словом, если бы не календарь и не иностранные газеты, так аккуратно получаемые в Петербурге, мы не знали бы, что у нас теперь цветущая весна, в поре брачного блеска природы. Как нарочно, журналы, словно по взаимному условию, стараются скрыть от нас настоящее время года и перевернуть календарь задом наперед. Единственный журнал в Москве – «Галатей», вместо того чтобы воскреснуть с весною, рассыпался пустоцветом и скоропостижно скончался, на восьмом или девятом номере{1}. «Библиотека для чтения», после долгого и упорного молчания, наконец явилась под 4 №, и под фирмою *апреля*, когда у нас было уже 12 мая. «Сын отечества» седьмою книжкою уверяет нас, в *мае* месяце, что

теперь еще *апрель*. Но он не ограничился этим: если не успеет в мае, то в июне, есть надежда, он появится в свет со второю *апрельскою* книжкою. Но и тут еще не конец его хронологическим шуткам насчет мая месяца настоящего года: с чего-то ему вздумалось перевернуть этот бедный *май* 1840 года в *ноябрь 1839 года*. Посмотрите одиннадцатую книжку «Сына отечества» за 1839 год, благополучно продолжающийся, для него, и по сию пору: на ней выставлен *ноябрь* и 1839 год, а вышла она в *мае 1840 года*; в ней содержатся самые свежие, животрепещущие известия о предстоящем браке английской королевы с принцем Альбертом саксен-кобургским, о дагерротипе и других *новостях*{2}. Кроме того, в нем найдете вы примечательные вещи и из воспоминаний доброго старого времени, именно: «Царьград и двор греческих императоров в X-м веке». Эта *cosa rara*[1] названа «византийскою легендою»{3}.

В апрельской книжке сего журнала, появившейся в мае, есть выходка против «Отечественных записок», которая и напомнила нам о забытом нами существовании «Сына

отечества», этого редкого и драгоценного журнала. Спорить нам с ним нет охоты, да и не о чем: он только изредка высказывает свои мнения о способностях того или другого литератора, о достоинствах и недостатках того или другого стихотворения, той или другой повести. Это не наше дело, и спорить нам тут нельзя: какое бы ни было мнение, его не оспоришь и не переспоришь, ибо все *мнения* «Сына отечества» случайны, произвольны, чужды всякого критериума. Нет, не это заставило нас взяться за перо и толковать с «Сыном отечества». В русской публике еще так мало заметно сколько-нибудь установившееся общее мнение, что большая часть ее, занимающаяся журналами, обыкновенно расположена в пользу нападающего и молчание на выходку приписывает не пренебрежению, а признанию обвиняемым своей слабости. И потому мы крепко держимся русской пословицы: еду не свищу...

«Сын отечества» обвиняет «Отечественные записки» в каком-то намерении будто бы установить «табель о рангах» для русских писателей, умерших и живущих{4}.

«Сын отечества» нападает на «Отечественные записки» за то, что, по их словам —

Выходит, что поэтов настоящих у нас теперь только четверо: 2-да Лермантов (то есть Лермонтов), Кольцов, Красов и – Θ —. Поэтов-переводчиков пятеро: 22. Вронченко, Катков, Струговщиков, Аксаков и Менстер. Поэтов разве еще двое: 22. Кукольник и Бернет. Прозаиков хороших трое: Гоголь, который, однако ж, ничего не печатает, да князь Одоевский и Н. Ф. Павлов, которые, однако ж, только изредка показываются. Прозаиков, которых прочтете с удовольствием, семеро: 22. Вельтман, Даль, Основьяненко, Панаев, Гребенка, Владиславлев и 2-жа Жукова, – ну, а потом еще: граф Соллогуб, написавший, однако ж, только две повести, да 2. Лермантов (то есть Лермонтов), который кроме «Отечественных записок» нигде не показывался («Сын отечества», № 7, стр. 665–666).

Вот оно, это страшное обвинение, напечатанное обыкновенною печатью, курсивом и капителью в приличных местах и с приличными искажениями слов «Отечественных за-

писок»!.. В чем же это обвинение? пока еще его нет! А вот, извольте видеть:

Г-н Лермантов (то есть Лермонтов) за полдюжины пьесок, весьма недурных (а!..), и г. Кольцов за несколько очень милых пьесок и песенок, по нашему мнению, никак еще не могут назваться поэтами великими (стр. 668).

Позвольте остановиться на этом. Во-первых, в статье «Отечественных записок» гг. Лермонтов и Кольцов не были названы *великими поэтами*, следовательно, это выдумка «Сына отечества»: пусть читатели рассудят сами, до какой степени она остроумна и добросовестна. «Отечественные записки» предоставляют публике давать титул *великого* молодому поэту, только что еще выступающему на поприще искусства; но «Отечественные записки» не отнимают у себя права высказывать своих убеждений как о старых, так и о молодых поэтах; а они убеждены, что хотя Лермонтов писал еще и очень немного, но что в этом немногом видно такое огромное, могучее дарование, что из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным и после него,

не было и нет до сих пор ни одного, которого имя имело бы больше прав стоять после имени Пушкина, и что из молодых поэтов нет ни одного, который бы так много обещал в будущем, как Лермонтов. В то же время «Отечественные записки» убеждены, что, после имени Лермонтова, самое блестящее поэтическое имя современной русской поэзии есть имя Кольцова, который написал не несколько очень милых пьесок и песенок, как выражается «Сын отечества», а до пятидесяти песен и дум, вылетевших из глубины могучей русской души и отличающихся оригинальностью, глубиной творческих мыслей и художественною формою. Во-вторых, что это за выражение: полдюжины пьесок?.. Неужели «Сын отечества» измеряет таланты количеством, а не качеством, дюжинами, аршинами и саженьями, а не эстетическим чувством, не критикою разума? Если так, мы поздравляем его: пусть его весит и прикидывает, но пусть и удержится требовать от других подобной дюжинной, аршинной и посаженной критики. Неужели любая из длинных и тяжелых драм г. Кукольника выше коротенькой «Мо-

литвы» Лермонтова, потому только, что в первой наберется до 3000 стихов, а последняя состоит только из 12-ти стихов?.. Если так, то Херасков выше самого Пушкина... Сверх того, и счет «Сына отечества» очень фальшив: Лермонтов написал не полдюжины пьесок: в «Отечественных записках» за прошлый и нынешний год помещено *пятнадцать* стихотворений; *одно* в «Литературной газете»; несколько уже получено для напечатания в ближайших №№ «Отечественных записок»{5}. Сверх того, в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»«за 1838 год была напечатана большая и превосходная его поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; в собрании его стихотворений, которое выйдет осенью нынешнего года, поместится еще другая его поэма{6}, нигде не напечатанная; и пр. и пр... Но пойдем дальше за «Сыном отечества».

Г-на Красова ни одной пьески, сколько-нибудь сносной, мы еще не читали, а г. – Θ – читали мы, кажется, пьески две, три, весьма жалкие в «Отече-

ственных записках» (стр. 666).

Ну, что сказать на то, что вам не нравятся стихи гг. Красова и – Θ —, а нравятся стихи гг. Паршина, Дича, Щеткина, Пачимади и *иных прочих*: что ж с этим делать? таков уж, видно, у вас вкус!.. *Suum cuique* – всякому свое! Против этого так же бесполезно спорить, как и доказывать известному классу читателей, что романы Вальтера Скотта или Купера лучше «Приключений Георга, английского милорда» и тому подобных произведений. Что же касается до нас, у нас *свой* вкус, – правда, совершенно противоположный вкусу «Сына отечества», но который именно потому и кажется нам истинным и о котором именно потому мы говорим публике вслух. В стихотворениях под фирмою – Θ – господствует однообразное и болезненное чувство, которое не со всеми может гармонировать и не всем нравится, но которое особенно сильно действует на знакомых с ним; и как бы то ни было, но стихотворения – Θ – всегда проникнуты чувством, и чувством истинным, выстраданным, а не выдуманым, не поддельным, чувством, которое высказывается в прекрасных стихах,

нередко представляющих собою пленительные поэтические образы. Да, это не просто размеренные строчки, заостренные рифмою и выражающие отвлеченные понятия, но задушевные излияния полного чувством сердца, и потому таких стихов теперь нельзя встретить ни в каком русском журнале, кроме «Отечественных записок». Что же до стихотворений г. Красова, они еще в 1838 году приобрели себе общую и заслуженную известность чрез «Библиотеку для чтения». В большей части стихотворений г. Красова всякого, у кого есть эстетический вкус, поражает художественная прелесть стиха, избыток чувства и разнообразие тонов. Их тоже, из всех русских журналов, теперь можно встречать *только* в «Отечественных записках»: уж не за это ли так и сердит на них незлобивый «Сын отечества»?..

Из переводчиков, мы почти ничего не видали от г-д Каткова и Аксакова; г-н Вронченко давно ничего не переводит, а от переводов г-на Росковшенки уноси нас Феб, хоть он (то есть Феб?..) и называет себя мейстером. Нам кажется,

он и в подмастерья парнасские не годится (стр. 666).

Следовательно, и из назначенных в кандидаты поэзии «Отечественными записками» позвольте нам кое-кого выключить (*сделайте одолжение!* – это *ваше* дело!). Г-н Гоголь, *ничего не печатающий*; г-н Н. Ф. Павлов, не знающий русского языка и копирующий Бальзака; г-н Основьяненко, *ничего по-русски* не пишущий; г-н Панаев с двумя, тремя пьесками, *очень плохими*; г-н Гребенка, которого надобно просить не писать, и г-н Лермантов (то есть Лермонтов), прозаик, до сих пор *ничего порядочного не писавший* (?!..), ибо что писал он, было *очень плохо*, опять представителями русской прозы быть не могут.

Переводы г. Каткова из Гейне и отрывки из его перевода «Ромео и Юлия» Шекспира «Сын отечества» может увидеть в «Московском наблюдателе» 1838 и 1839 и в «Отечественных записках» 1839 года. Да, если он возьмет труд хорошенько протереть очки, то найдет и в «Сыне отечества» 1839 года (то есть в себе же самом) отрывок из перевода г. Каткова «Ромео и Юлия», отрывок, напечатанный, как

нам достоверно известно, против желания переводчика. В тех же журналах может он найти и переводы из Гете и Шиллера г. Аксакова; да уж кстати да обратит сей почтенный старец свое внимание и на переводы г-жи – *вой*, в «Отечественных записках»; если же все это ему не понравится – это уже будет не наша вина и не вина прекрасных переводов, о которых мы говорим... Г-н Вронченко, который, по словам «Сына отечества», давно уже не переводит, недавно (года два назад) перевел «Макбета», и как еще перевел! Несмотря на видимую жесткость языка в иных местах, от этого перевода веет духом Шекспира, и когда вы читаете его, вас объемлют идеи и образы царя мировых поэтов. Что же касается до г. Росковшенки (Мейстера), – его перевод «Ромео и Юлии», напечатанный в «Библиотеке для чтения», превосходя переводы г. Вронченко большею мягкостью и выработанностью языка, далеко не передает с такою силою духа великого Шекспирова создания; но тем не менее и этот перевод принадлежит к прекраснейшим и удачнейшим попыткам переводить на русский язык, обнаруживает в г. Росковшенко

несомненный и замечательный талант переводить Шекспира. А что он не нравится «Сыну отечества» – это, вероятно, потому, что в нем не бывать трудам г. Росковшенко.

«Г-н Н. Ф. Павлов, не знающий русского языка и копирующий Бальзака; г-н Панаев с двумя, тремя пьесками, *очень плохими*; г-н Лермонтов, прозаик, до сих пор *ничего порядочного не писавший*, ибо что писал он, то было *очень плохо...*» Как это вежливо... нет, позвольте – как это *энергически!*.. Энергия в выражении есть хорошее качество – спора нет; но все дело в тоне...

В этой же седьмой книжке «Сына отечества», на стр. 612, сказано, что «чопорный стих г-д Лермонтова и Красова идет из головы, а не из сердца». Сличите этот приговор стихам Лермонтова с приговором его прозе, – и вы увидите, до какой степени «Сын отечества» благоволит к этому поэту. Разверните первую книжку «Сына отечества» за 1839: в «Библиографии», на стр. 46, вы прочтете следующие строки о первой книжке «Отечественных записок»: «Но мы более благодарны им за стихи А. В. Кольцова, и особенно за «Ду-

му» М. Ю. Лермонтова. Последняя прекрасна. Давно не слышали мы такого звучного стиха, не слышали от русских поэтов такой свежей мысли!..» За этими словами следует выписка стихов, а за нею слова: «За такие стихи мы простим даже стихам В. И. Туманского «Отрады недуга»«. Разверните вторую книжку «Сына отечества» *прошлого* года, и на 87 стр. «Библиографии» вы прочтете следующие слова, при суждении о второй книжке «Отечественных записок»: «Опять является нам г. Лермонтов с прекрасною, полною мысли и огня пьесою: «Поэт». Уподобление поэта кинжалу, повешенному на стене среди роскошной мебели богача, – превосходно»... Следует выписка стихов, а за нею слова: «Но «Отечественные записки» и за стихи г. Лермонтова заставляют читателей прочитать стихи г. Баратынского и г. Бенедиктова» и пр. – следует брань на г-д Баратынского и Бенедиктова. Итак, видите ли, «Сын отечества» восхищался же стихами Лермонтова? Но тогда он еще только стремился к уяснению своих отношений к «Отечественным запискам», которые теперь, на беду ему, ясны ему. Лермонтов не

изменяется – стихи его все лучше и лучше, и они печатаются в «Отечественных записках», а не в «Сыне отечества», где никогда они не будут печататься, и потому – все они никуда не годятся, по мнению «Сына отечества».

За что гонение на г-д Павлова и Панаева? Они дурно пишут, по мнению «Сына отечества»? – Ничуть не бывало! Разверните 4-ю книжку «Сына отечества» *прошлого* года, – и в отделении «Библиографии», на 119 стр., прочтете следующие слова: «Кроме нескольких повестей Марлинского, кн. Одоевского, Булгарина, Павлова, Загоскина, Гоголя, Вельтмана, г-жи Жуковой, Ясновидящей, на что прикажете указать?» Видите ли: «Сын отечества» еще так недавно, именно только в прошлом году, ставил г. Павлова на одну доску не только с Гоголем и кн. Одоевским, но и с Марлинским и г. Булгариным – писателями, выше которых не было и нет на белом свете в очках «Сына отечества»! А теперь г. Павлов уж не знает и грамоте, по словам весьма грамотного «Сына отечества». Чему же верить?.. Разверните 3-ю книжку «Сына отечества» *прошлого* года, найдите там, под заглавием «Критика», нисколь-

ко не критическую статью «Ответ Н. В. Кукольнику» и на стр. 58–59 прочтите следующие слова: «Подолинский, Вельтман, Вронченко, гр. Р-на, Бенедиктов, Якубович, *Лермонтов*, Ершов, Даль, *Панаев* (И. И.), Соколовский, Губер, кн. Одоевский, Шевырев, Бороздна, Маркевич, Ободовский, барон Розен, Каменский, Владиславлев, Лажечников, Теплова, вы сами, *любезный Н. В.*, даже прасол Кольцов – все вы, принадлежащие к эпохе послепушкинской, все, более или менее, но *отличенные дарованием* бесспорным, не были ли вы все отличены критикою новейшею?» Итак, не прошло тому еще года, как г. Панаев был писателем, *отличенным несомненным дарованием*, и стоял наряду с Гоголем, с кн. Одоевским, Лермонтовым, Лажечниковым, Вельтманом, Подолинским, гр. Р – ною и пр.; а теперь?.. Но давно ли началось это «теперь»? – С 4-й книжки «Сына отечества» нынешнего года – очень недавно!.. В отделе «Новых русских книг», на 889 стр., при разборе «Одесского альманаха», гг. Павлов и Каменский называются – как бы вы думали? – «кикиморами»!.. Затем следуют какие-то, должно

быть, очень остроумные, но решительно ни на чем не основанные предположения о литературной деятельности следующих писателей; «Неужели отныне и И. И. Панаев не перестанет писать свои повести, и Н. Ф. Павлов не станет нанизывать повествовательного бисеру на нитку отчаяния, и И. И. Лажечников перестанет *чертить карикатуры* великих мужей русской земли в своих романах, и г. Бернет перестанет писать стихи, и...». Итак, «Сыч отечества» желает, чтобы г. Панаев перестал писать свои повести; но о «Портретах» его не говорит ни слова. Кстати о «Портретах»: уведомляем наших читателей, что у г. Панаева написано еще несколько новых портретов, которые, вместе с напечатанными уже в «Литературной газете» и обратившими на себя самое лестное внимание публики, составят особую, довольно большую книжку{7}. Талантливый автор намерен издать ее в скором времени, украсив приличными гравюрами, которые уже составляют известными художниками и из которых некоторые будут иллюминированы. Странная также мысль – советовать г. Гребенке перестать писать, и ко-

гда же? – Тогда, как он только что написал такой прекрасный и занимательный рассказ «Верное лекарство» и еще не успел кончить своих интересных и остроумных «Записок зайца», в которых так увлекательно изображает проделки животных и насекомых лесных, земляных и полевых{8}. С чего взял «Сын отечества», что Основьяненко ничего не пишет по-русски? – А «Пан Халявский», а «Головатый», напечатанные в «Отечественных записках»? А многие другие пьесы, помещенные в «Современнике» и других альманахах? Уж не потому ли Основьяненко перестал писать по-русски, что не хочет ни одной строки своей поместить в «Сыне отечества»?..

Далее, «Сын отечества» упрекает «Отечественные записки» в том, что будто бы они выключили из числа пишущих Крылова, Жуковского, кн. Вяземского, Баратынского... Это чистая выдумка! Читателям известно мнение «Отечественных записок» о великом баснописце, известно также, что он давно уже ничего не пишет. Что же касается до Жуковского, Вяземского и Баратынского, – нападки за их исключение из действующих писателей –

не больше, как пустые придирки отстающего книжками журнала, ибо в статье «Отечественных записок» говорилось о новых, в недавнее время появившихся писателях; а что «Отечественные записки» умеют ценить Жуковского, это «Сын отечества» может видеть из рецензии на «Очерки русской литературы», напечатанной в 1 № «Отечественных записок» нынешнего года. Равным образом, в 4 № «Отечественных записок», в отделе «Библиографической хроники», на 71 стр., «Сын отечества» может увидеть, как ценят «Отечественные записки» кн. Вяземского и Баратынского, ибо этот № вышел уже давно, хотя и через месяц после 3-го, который вышел еще марта 15, и на статью которого нападает *апрельская* книжка «Сына отечества», вышедшая в половине *мая*. Сверх того, откуда вдруг такое расположение у «Сына отечества» к Баратынскому, на которого он доселе нападал с таким ожесточением? Не желание ли это поставить Баратынского в такие отношения к «Отечественным запискам», какие были бы приятны и угодны «Сыну отечества»? Ба! да между именами, будто бы обиженными

несправедливостию и пристрастием «Отечественных записок», стоит и имя г. Бенедиктова?.. Советуем читателям заглянуть во 2-ю книжку «Сына отечества» прошлого года, именно в то место, где так превозносится стихотворение Лермонтова «Поэт»: они увидят меру уважения «Сына отечества» к Баратынскому и г. Бенедиктову («Библиография», стр. 87–88). Поверите ли: между именами, будто бы оскорбленными пристрастием «Отечественных записок», стоит имя – г. Лажечникова!!!.. Могли ли мы упомянуть имя г. Лажечникова, который, кроме больших романов, ничего не пишет? могли ли мы, упомянуть его имя между именами нувеллистов и авторов мелких пьес, из которых составляются альманахи[2]?.. И «Сын отечества» заступает за г. Лажечникова, который, по его словам, в своих романах чертит карикатуры великих людей русской земли!.. Благодарите же, автор «Новика», «Ледяного дома» и «Басурмана», который так расхвален «Сыном отечества» и так разбранен «Отечественными записками»! кланяйтесь ниже доброму, вежливому «Сыну отечества»!.. Не «Сын ли отечества» ставил

«Басурмана» ниже даже и «Тоски по родине»?.. {9} О, верх журнальной добросовестности!..

Особенно сетует на «Отечественные записки» «Сын отечества» за исключение ими прозаиков: Ясновидящей, Лажечникова, Загоскина, Масальского, Калашникова, Озерецковского, Грота, Фролова, В. И. Орлова, П. П. Сумарокова, г-д Княжевичей, Александрова, Каменского, Маркова, Корсакова, Корфа, «у которых, – говорит он, – право, станет дарования против *каких-нибудь* г-д Панаева, Гребенки и *Лермонтова*». Отвечаем: что делать? у всякого свой вкус, и мы с большим удовольствием читали рассказы г. Гребенки, чем повести, которые печатаются в «Сыне отечества» и которые он, следственно, почитает выше леса стоячего. О Лажечникове мы уже объяснились. Г-на Загоскина мы очень уважаем как автора прекрасного романа «Юрий Милославский» и даже романа «Рославлев», который местами очень хорош; но «Рославлев» вышел еще в 1831 году, почти десять лет назад тому, а с тех пор г. Загоскин не обогатил русской литературы никаким примечательным произведени-

ем, которое пережило бы за время своего появления. Г-н Масальский написал, лет десять назад, посредственный роман «Стрельцы», который тогда же и был забыт, а после того мы не помним, что он еще писал. Г-н Калашников написал, лет двенадцать или больше, какой-то сибирский роман, за который приятели провозгласили его русским Купером; но теперь только записные библиографы помнят имя г. Калашникова{10}. Г-на Озерецковского мы почти совсем не знаем: это имя принадлежит к числу тех литературных «инкогнито», о которых никто не обязан знать, кроме «Сына отечества», и то когда ему заблагорассудится напасть на «Отечественные записки»{11}. Г-н Грот не пишет повестей; род его деятельности скорее ученый, чем литературный. О г. Фролове мы ничего не слышали. Г-н Орлов переводил *когда-то* Горация. Это было так давно, что теперь никто об этом не помнит, кроме разве стариков{12}. В. И. Орлов, выпустивший «Опыт перевода Горациевых од» (СПб., 1830), печатался и в 30-е гг., но критик не считал его произведения достойными упоминания. Г-н Сумароков напечатал в «Телеграфе» несколь-

ко миленьких повестей, потом издал довольно посредственный роман, а с тех пор замолчал совершенно{13}. Г-да Княжевичи давно уже ничего не пишут, и имена их нигде не встречаются. В неупоминании г. Александра, автора прекрасной повести «Павильон», обруганной «Сыном отечества», мы действительно, хотя и неумышленно, виноваты. О гг. Каменском и Маркове ничего не говорим, потому что не о всех же говорить, а надо пощадить и терпение читателей. Мы на слово верим «Сыну отечества», что все – и гг. Масальский, и Калашников, и Озерецковский, и Фролов, и Дич, и Ободовский, и Олин, и барон Розен, и Падерный, и Бороздна, и Траум, и г-жа Шахова и пр. гораздо выше Лермонтова, не только гг. Красова, Панаева и – Θ —. «Не смеем упомянуть о г-х Грече и Булгарине, – говорит «Сын отечества», – зная, что «Отечественные записки» ставят дарования их ниже дарований И. А. (А. А.?) Орлова; но позвольте упомянуть еще хоть о г-не Сенковском». Благодарим за скромность, оправдываем ее причину и – позволяем: говорите о ком угодно и что угодно, если это вас забавляет. А

нам уж становится скучно, и мы спешим кончить.

«Сын отечества» утверждает, что кн. Вяземский и Ф. Н. Глинка ничего не давали в «Отечественные записки»: неужели и против этого возражать после того, как статьи этих литераторов печатаются именно в «Отечественных записках»? Забавнее всего то, что в прошлом году «Сын отечества» разобрал одну статью г. Струйского в «Отечественных записках», а в нынешнем году преотважно уверяет, что г. Струйский не давал ни одной статьи в «Отечественные записки», хотя его имя и стоит в их программе. О русская литература! о русская журналистика! Вот их вопросы, вот чем они занимаются!..

Мы забыли упомянуть, что эта грозная выходка «Сына отечества» против «Отечественных записок» начинается насмешками над несправедливым будто бы упреком «Отечественных записок» нашим писателям в том, что их мало и что они мало пишут. Да, их мало и мало пишут – это аксиома. И именно, особенно мало пишут люди с дарованием, каковы кн. Одоевский, Гоголь, Лажечников,

Лермонтов, гр. Соллогуб, Кольцов и немногие прочие. Что их деятельность против всякого, даже второстепенного, французского или немецкого писателя? В этом они первые сами согласятся с нами. Конечно, г. Кукольник написал много драм, но они не читаются, потому что, отличаясь многими поэтическими частностями, в целом утомляют своею длиннотою. Конечно, г. Н. Полевой написал несколько повестей, в которых очень неудачно подражал Гофману и Дюкре-Дюменилю; но кто теперь вспомнит об этих эфемерных явлениях журнальной литературы?{14} Конечно, Марлинский написал двенадцать небольших, но плотно сбитых книжек; но его творения перешли уже в ряды тех читателей, которые поэтов называют «господами сочинителями» и которых внимание есть уже признак совершенного падения автора.

«Что сказать в заключение?» – задает себе глубокомысленный вопрос «Сын отечества» и отвечает на него: «Ничего!» Именно – ничего! «Мы, – говорит он, – положили не входить в состязание с «Отечественными записками», но почли обязанностью сказать наше мне-

ние, в силу известного правила: кто молчит, тот соглашается». Что «Сын отечества» положил за правило не входить в состязание с «Отечественными записками», это очень благо разумно с его стороны, ибо, во-первых, «Отечественные записки» оставили бы его без ответа, а во-вторых, молчание для него безопаснее и выгоднее. Если же правило «кто молчит, тот соглашается» верно, то «Сын отечества» *во многом* согласился на свой счет с «Отечественными записками»: благодарим его за признание! Но мы с ним не хотим согласиться, – и так как он предлагает «Отечественным запискам» вопросные пункты и просит на них ответа, то мы и отвечаем на них здесь, в «Литературной газете», ибо, несмотря на его «желание слышать, что скажут «Отечественные записки» на все предложенные вопросы» (стр. 670) и лестную надежду на ответ, огороженную словами «авось услышим» (ibid.)[3], – «Отечественные записки» никогда не нагнутся до объяснения с ним.

Вот вопросные пункты «Сына отечества» с нашими ответами на каждый из них:

1. После скольких сказочек и литера-

турных статей, и стихотворений, литератор поступает у них в число лучших и известных?

«Отечественные записки» смотрят не на количество и меру, а на качество и достоинство, меряют не аршином и саженью, а эстетическим чувством и мыслию. И потому для них иногда достаточно одного произведения, чтобы увидеть в авторе талант и признать в нем *лучшего и известного*.

2. Где можем мы отыскать и увидеть труды, по которым поступили в число великих поэтов г. Красов, а особливо таинственный г. — Θ —, а также г-да Катков, Аксаков и Росковшенко? Где сочинения на русском языке г-на Осповьяненки и где литературные труды, за которые почислен в отличные прозаики г-н Панаев?

«Отечественные записки» никогда и не думали называть г. Красова великим поэтом; но они видят в нем поэта с истинным и примечательным дарованием, и произведения его «Сын отечества» может найти в «Московском наблюдателе», «Библиотеке для чтения»,

«Отечественных записках», «Киевлянине»; но если он будет их искать у себя, то, разумеется, не найдет. Стихотворения таинственного – Э —, равно как и переводы гг. Каткова и Аксакова, «Сын отечества» может найти в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках». Г-на Каткова он может найти даже в первой книжке за прошлый год самого себя, где помещен целый акт переведенной им драмы Шекспира «Ромео и Юлия». Перевод той же драмы г. Росковшенко он может найти в одном из №№ «Библиотеки для чтения» 1838 года; а в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» 1838 года, № 28-м, отрывки из его перевода «Ричарда III» Шекспира. Сочинения Основьяненко на русском языке «Сын отечества» может видеть в «Отечественных записках», в «Современнике», в «Утренней заре» г. Владиславлева и, может быть, в других изданиях, только не в себе самом, где их нечего искать. Они писаны русским, и притом хорошим русским языком. – Литературные труды г. Панаева рассеяны по разным изданиям – их нет только в «Сыне отечества». В 5 № «Отечественных записок» помещена новая и пре-

красная повесть г. Панаева – «Белая горячка», которая особенно должна понравиться «Сыну отечества» мастерским изображением одного из главных действующих лиц – Рябинина{15}.

3. Почему в число действующих литераторов включаются г-да Вронченко и Гоголь, когда они давно уже ничего не печатают, и почему в недействующие поступают Жуковский, Баратынский, кн. Вяземский, Языков, Подолинский, Хомяков, Губер, графиня Р – на, Загоскин и другие (кажется, люди не без дарования), беспрестанно являющиеся в журналах и альманахах наших, но говоря уже об отдельных сочинениях многих из них?

Г-н Вронченко недавно издал свой превосходный перевод «Макбета»{16} (по крайней мере не так давно, как гг. Калашников, Орлов, Сумароков и пр. свои последние труды). Гоголь не печатает, но не *не пишет*. Что Жуковский, кн. Вяземский и Баратынский не исключены нами из действующих – доказательство на 71 стр. «Библиографической хроники» 4 № «Отечественных записок» в рецензии на 3-ю книжку «Репертуара»{17}. Советуем «Сыну

отечества» прочесть эту рецензию: она должна быть для него особенно интересна по многим причинам. Что же касается до исключения из действующих прочих поименованных в 3-м вопросном пункте «Сына отечества», о них ничего не сказано, во-первых, потому, что некоторые из них, как, например, гг. Языков и Хомяков, давно уже почти ничего не пишут, а о других нечего нового сказать, как о писателях вполне определившихся.

Сноски

1

редкостная вещь (*итал.*). – *Ред.*

[^^^]

2

Для утешения «Сына отечества» спешим уведомить его, что в следующей книжке «Отечественных записок» будет помещен отрывок из нового романа г. Лажечникова «Колдун на Сухаревой башне» и что г. Лажечников обещал для «Отечественных записок» повесть.

[^^^]

там же (лат.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Журнал «Галатей», возобновившийся в 1839 г., прекратил свое существование в 1840 г. За этот промежуток было издано 6 частей и 17 номеров журнала.

[^^^]

2

О том, сколь устаревшими являлись эти «новости», можно судить по следующему примеру. В мае 1840 г. «Сын отечества» извещал о первом практически примененном способе фотографирования, по этот способ был обнаружен французским ученым Л.-Ж. Даггером (по имени которого он и был назван) 19 августа 1839 г.

[^^^]

3

Автором «византийской легенды» был Н. А. Полевой.

[^^^]

4

Белинский имеет в виду статью Полевого «Несколько слов касательно приговора русским поэтам и прозаикам в «Отечественных» записках» («Сын отечества», 1840, т. II, отд. IX, с. 663–670). Ниже цитируется эта статья.

[^^^]

К моменту выхода этого номера «Литературной газеты» Лермонтов опубликовал в «Отечественных записках» стихотворения «Дума», «Поэт», «Русалка», «Ветка Палестины», «Не верь себе...», «Еврейская мелодия», «В альбом», «Три пальмы», «Молитва», «Дары Терекка», «Памяти А. И. О<доевского>», «Как часто пестрою толпою окружен...», «Казачья колыбельная песня», «Журналист, читатель и писатель», «Воздушный корабль». В «Литературной газете» было опубликовано стихотворение «И скучно, и грустно...» (1840, № 6, 20 января). В «Отечественных записках», 1840, т. X, № 6 появились стихотворения Лермонтова «Отчего?» и «Благодарность».

[^^^]

6

В книге «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб., 1840) была впервые опубликована поэма «Мцыри».

[^^^]

7

Имеются в виду сатирические очерки И. И. Панаева «Портретная галерея» («Литературная газета», 1840, № 5, 12, 16, 19), в которых осмеивались Булгарин, Греч, Полевой. Отдельным изданием эти очерки не вышли.

[^^^]

8

В «Литературной газете» (1840, № 11, 21, 32) были опубликованы «Путевые записки зайца», автор которых, Е. П. Гребенка, вывел Н. А. Полевого в образе полевого сверчка.

[^^^]

9

См. отзыв Полевого о «Басурмане» («Сын отечества», 1839, т. VII, отд. IV, с. 68–70).

[^^^]

10

Исторический роман К. П. Масальского «Стрельцы» (ч. I–IV) вышел в 1832 г.; роман И. Т. Калашникова «Камчадалка» (ч. I–IV) – в 1833 г.

[^^^]

11

В № 4 «Отечественных записок» за 1840 год Белинский опубликовал краткий отзыв о «Повестях и Былях» Я. Озерецковского (см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 126).

[^^^]

12

В. И. Орлов, выпустивший «Опыт перевода Горациевых од» (СПб., 1830), печатался и в 30-е гг., но критик не считал его произведения достойными упоминания.

[^^^]

13

Рецензию на «Наследницу. Быль вместо романа, или Роман вместо были» (1835) П. П. Сумарокова см.: наст. изд., т. 1, с. 418–420.

[^^^]

14

Оценку Белинским прозы Полевого см. в рецензии на второе издание «Аббаддонны» – наст. т., с. 490–494.

[^^^]

15

16 мая 1840 г. Белинский писал В. Боткину: «Прочти повесть Панаева «Белая горячка» – славная вещь; обрати все свое внимание на лицо Рябинина – это живой, во весь рост, портрет Кукольника». Н. В. Кукольник пользовался особым расположением «Сына отечества».

[^^^]

16

См. выше прим. 7 к рецензии «Репертуар русского театра... Книжки 1 и 2. Пантеон русского и всех европейских театров. Часть I и II».

[^^^]

17

См. наст. т., с. 379–392.

[^^^]

[^^^]